

И. Савкина, А. Розенхольм

Ирина Савкина (Тампере, Финляндия) — доктор философии, лектор отделения русской литературы и культуры Тамперского университета; Email: irina.savkina@staff.uta.fi

Арья Розенхольм (Тампере, Финляндия) — доктор философских наук, профессор отделения русской литературы и культуры Тамперского университета; Email: arja.rosenholm@uta.fi.

«СЕКРЕТ ЕЕ УСПЕХА»: РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОМАНЕ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

Автор романа «Зулейха открывает глаза» Гузель Яхина, наверное, могла бы по праву претендовать на звание «Мисс/миссис литературный успех 2015», если бы такое существовало. Молодая, малоизвестная писательница пишет роман о судьбе женщины, попавшей в тяжелые исторические обстоятельства, и «просыпается знаменитой»: получает сразу множество престижных литературных премий. После выхода своего дебютного произведения в 2015 году Гузель Яхина стала лауреатом премии «Книга года», премии «Ясная поляна» и премии «Большая книга», призовой фонд которой составляет 6 миллионов рублей [3]. Кроме того, её роман вошел в число финалистов «Русского Букера» и в лонг-лист премии «НОС (Новая словесность)».

Интересно, что критерии у всех вышеназванных премий достаточно разные: если «Ясная поляна», например, поддерживает продолжателей литературной традиции, то литературная премия «НОС» основана благотворительным фондом Михаила Прохорова «для выявления и поддержки новых трендов в современной художественной словесности на русском языке» [4].

Знаменательно и то, что в случае Яхиной мнение профессионального экспертного жюри премии «Большая книга» совпало с выбором читателей, которые проводят собственное голосование за книги, вошедшие в шорт-лист премии, на ее странице в Фейсбуке. Роман переведен на 16 языков и опубликован или готовится к публикации в 24 странах [3].

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что роман Гузель Яхиной оказался интересен всем: и профессионалам, и дилетантам, и консерваторам, и новаторам. В чем секрет такого безусловного успеха, почему именно это произведение так сильно всех впечатлило и, можно сказать, сплотило и примирило?

Биография писательницы не помогает ответить на этот вопрос, ибо в ней нет ничего экстраординарного и занимательного, напротив, — это довольно обыкновенная и благополучная жизненная история. Гузель Яхина родилась в 1977 году в Казани, там же закончила факультет иностранных языков педагогического университета. В 1999 году переехала в Москву, где работала в области PR и рекламы. Она окончила сценарный факультет Московской школы кино, опубликовала несколько никем не замеченных рассказов в литературных журналах. «Зулейха открывает глаза» — дебютный роман Яхиной, который она пыталась безуспешно опубликовать сама, но сделать это удалось только через литературного агента [7].

И ведь, кажется, нельзя сказать, что роман этот при чтении производит впечатление чего-то совершенно нового, небывалого, что он потрясает абсолютной новизной сюжета или редкостными, неподражаемыми эстетическими достоинствами. Возможно, секрет безоговорочного успеха этого произведения лежит в другой плоскости? Вероятнее всего, единодушная симпатия к нему читателей из очень разных страт современного российского общества вызвана тем, что роман отвечает на какие-то важные и актуальные запросы и ожидания современной российской публики и, вероятно, отвечает довольно точно. Попробуем, вчитываясь в текст, понять, что это за запросы и какие это ожидания.

Действие романа начинается в 1930 году. Главная героиня — тридцатилетняя татарская женщина Зулейха Валиева — живет с суровым мужем и властной свекровью в деревне в бесконечных ежедневных трудах и унижениях. Представители новой власти во главе с коммунистом Игнатовым убивают ее мужа, а беременную (как обнаруживается некоторое время спустя) Зулейху вместе с

другими кулаками и прочими врагами народа везут в вагонах для скота в Сибирь, где на голом берегу Ангары те, кому удалось пережить путь на Голгофу, строят «социалистический поселок» Семрук. Главным для Зулейхи в этой совершенно новой для нее жизни становится сын Юсуф. В финале романа Зулейха приносит самую большую материнскую жертву: она отпускает сына, который с поддельными документами уплывает на лодке по Ангаре в «большой мир», мечтая добраться до Ленинграда и стать художником.

Первое, что бросается в глаза, когда читаешь роман, — это его жанровая гибридность. Там можно найти все, что пожелает читательская душа. Прямые реминисценции, почти цитаты из соцреалистического романа о коллективизации (типа «Поднятой целины» Михаила Шолохова) соседствуют с неомифологизмом. Этнографическая экзотика (главы, очень подробно изображающие быт деревенской татарской семьи) соединяется с западной просветительской традицией робинзонады и *road movie*. Последний термин ссылается на кинематографический контекст — и не случайно: влияние кинематографической или, точнее, сериальной поэтики чрезвычайно ощутимо и в композиции, и в языке произведения: недаром Яхина признает, что сначала она писала не роман, а сценарий сериала и, судя по всему, в ближайшем будущем сериал, теперь уже сделанный на основе романа, выйдет на одном из каналов российского ТВ. Не только сериальность, но и другие аспекты, характерные для современной популярной культуры и ее ведущих жанровых формул (прежде всего мелодрамы) ясно различимы в романе, что, вероятно, расширяет аудиторию читателей за счет тех, кто при чтении текста концентрируется не на ужасах Гулага, а на истории главной героини:

В одном из читательских отзывов на роман Зулейха сравнивается со Скарлетт О'Хара из знаменитой истории Маргаретт Митчелл [5]. На первый взгляд, сопоставление независимой и предприимчивой Скарлетт с робкой и забитой женщиной-мусульманкой из татарской деревни кажется очень странным. Однако, чем-то эти нарративы о женщинах действительно похожи: это истории о выживании и стойкости слабых, попавших в ураганы исторических событий. Зулейха Яхиной в начале романа — это существо без имени и без голоса. Муж обращается к ней «женщина», властная и жестокая свекровь называет «мокрой курицей». «Зулейха не заметила, как<...> и сама стала называть себя так» [6, с. 12]. Собственно роман в некотором роде инвариант сказки о пробуждении спящей красавицы: он рассказывает, как из «живой покойницы», бесплотного существа, Зулейха превращается в живую, живущую хоть очень трудно, но полнокровно, женщину. Она научается желать и становится охотницей, умеющей защитить себя и даже мужчину, которого полюбила вопреки всем возможным запретам, потому что этот мужчина — комендант Игнатов — русский, коммунист, атеист и убийца ее мужа.

Однако, кроме вышесказанного в истории Зулейхи Валиевой есть и нечто иное, что не позволяет интерпретировать эволюцию этого образа в духе соцреалистического канона: романа об «освобожденной женщине Востока» или в ключе феминистской интерпретации «прочтенного желания».

Главное, что заставляет и мотивирует Зулейху «открыть глаза», проснуться и возродиться, — это материнское чувство и материнская самоотверженность. В голод она кормит новорожденного сына не только молоком, но и своим телом (кровью из разрезанных пальцев), работает сутками и преодолевает любые испытания ради своего Юсуфа и немедленно прекращает отношения с возлюбленным, когда видит в них источник опасности для сына. Материнство связано с ответственностью, верой и традицией, которая впечатана в ее тело.

В момент, когда Зулейха стремится или решается преступить какую-то важную границу, ей является своего рода «дух традиции» — ее властная свекровь Упыриха, которая остерегает ее от слишком смелых решений и которую Зулейха не может изгнать из себя, потому что со временем и опытом начинает понимать не только ее подавляющую власть, но и мудрость.

Неоднозначен не только образ главной героини, которая соединяет вызов и верность традиции, но и все другие герои, исключая патологических подлецов (таких как уголовник Горелов или инквизитор Зиновий Кузнец).

Яхина безусловно разрушает монолитность идеологических блоков: ее герои разномастны; мусульмане не более правы, чем честные атеисты, такие, как Игнатов, который из палача раскулачен-

ных становится их спасителем. В этом смысле роман Яхиной идет против ясно усиливающейся в последнее время в России традиции религиозного фундаментализма и казенного псевдопатриотизма, срастающегося иногда с национализмом и шовинизмом. Недаром в Татарстане реакция на роман была очень сдержанной и даже критической: Яхину обвиняли в унижении, поругании национального прошлого и в измене мусульманским традициям.

Но писательница вовсе не отвергает эти ценности, хотя и не идеализирует их. Она постоянно помнит о Боге, но в ее романе Бог — не над людьми, а *между* ними. Об этом говорят два важных символических эпизода романа. Первый ссылается на христианский контекст. Один из ссыльных — художник Иконников — оформляет клуб и под видом «революционной агитации» рисует на потолке изображения, сходные с иконами в куполе церкви. Воин, врач, агроном и мать с ребенком (похожие на реальных героев романа) изображены в четырех верхних углах, на том месте, где обычно в христианском храме изображаются ангелы или евангелисты. «Лица их смелы и чрезвычайно напряжены, в них одно стремление — дотянуться до цели. До какой? В центре потолка — пустота. — Они тянутся к тому, чего не существует, так? — спрашивает художника другая ссыльная, Изабелла. «Нет, Белла — они тянутся к друг другу», — отвечает Иконников [6, с. 422]. Позже для своих заказчиков, советского начальства, Иконников нарисует в середине, на пустом месте кроваво-красное знамя, которое оказывается не центром устремления символических фигур, а препятствием в их тяге друг к другу.

Другой, параллельный, символический эпизод — это восточная легенда о шах-птице Семруг, которую Зулейха рассказывает сыну Юсуфу, припоминая сказки своего народа. Легенда рассказывает о том, как все птицы на земле перессорились и пошли искать шах-птицу — высшую силу, которая прекратила бы все ссоры и распри. Они идут через Долины Исканий, Любви, Познания, Единения, Смятения, Отрешения и, наконец, приходят в Страну вечности — в чертоги божественной птицы Семруг. «Глаза их сомкнулись от наполнившего мир яркого света, а когда раскрылись — узрели лишь друг друга. В этот миг они постигли суть: они все — и есть Семруг. И каждая по отдельности, и все вместе» [6, с. 402].

Эта идея божества, которое живет между людьми и выражает себя в единении и тяге людей друг к другу, переключается и с советской мечтой о всеобщем братстве и равенстве, о социалистическом рае, в который верит большевик Игнатъев, хотя попытка воплощения этой великой Утопии превращается в великую и ужасную Дистопию: вместо земного рая на голой земле возводится поселок Семрук — место бесконечного труда и унижения.

Хотя тема исторического романа Яхиной не нова, и многие сюжетные ходы и образы узнаваемы и предсказуемы, но новым и, вероятно, привлекательным для многих читателей является то, что о трагических событиях истории страны пишет человек нового поколения; поколения, которое находится на той границе, где коммуникативная память об этих событиях советской истории превращается в культурную, и появляется возможность говорить о травматическом опыте с определенной, почти безопасной дистанции — не как о *своем* опыте, но все же как о *нашем*, разделенном внутри коллективной культурной памяти.

Роман Яхиной производит впечатление чего-то нецелостного, неготового — но, может быть, в этой неготовности, а, значит, открытости и скрывается секрет его обаяния.

Возможно, читатели из разных страт общества видят в романе надежду на возможность диалога, компромисса и примирения, некоей толерантности или, скорее, терпимости, которая не предписывается сверху или «сбоку», а естественно вырастает изнутри собственного исторического опыта, при этом не идеализированного, но и не отвергнутого? Может быть, роман Яхиной дает читателю надежду, что существует какая-то альтернатива необходимости выбирать между Утопией и Дистопией.

Если смотреть на «казус Яхиной», то обнаруживается очевидное сходство с историей финской писательницы Софи Оксанен (тоже, как и Яхина, 1977 года рождения) [См.: 1]. В 2008 году она выпустила в свет роман «Очищение» (Puhdistus) о судьбе женщины или, точнее, женщин, ставших жертвами исторического и социального насилия [См.: 2], за который была удостоена многих лите-

ратурных премий, в том числе главной литературной премии страны «Финляндия» и литературной премии Шведской академии (так называемая «Малая нобелевская премия»).

Но интересен тот факт, что продолжение у этих похоже начавшихся жизненных сюжетов, кажется, — разное. Софи Оксанен стала «властительницей дум», нарушительницей спокойствия, провокативной, заметной, почти культовой фигурой в Финляндии. Гузель Яхина очень мало заметна, она редко появляется в медиа, как публичная фигура она практически не существует.

О чем говорит эта разница? Наверное, о разнице характеров финской и российской писательниц. Но, безусловно, не только об этом. О падении статуса литературы в некогда литературоцентричной России? О том, что запросы и ожидания читателей не совпадают со стратегиями современных российских медиа? Или о том, что понятие литературного успеха и его последствий может определяться и пониматься по-разному?

Библиография

1. Оксанен С. Очищение. — СПб.: Лимбус-Пресс, 2010. — 384 с.
2. Оксанен, Софи. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1585603>
3. Официальный сайт премии «Большая книга». URL: <http://www.bigbook.ru/>
4. Официальный сайт премии НОС (новая словесность) URL: <http://www.prokhorovfund.ru/projects/own/108/>
5. Сибирская Скарлетт, или Зулейха открывает глаза. URL: <https://www.livelib.ru/book/1001173596/reviews>
6. Яхина Г. Зулейха открывает глаза. — М.: Изд-во АСТ, 2015. — 512 с.
7. Яхина, Гузель Шамилевна. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D1%85%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%93%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%BB%D1%8C_%D0%A8%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B0